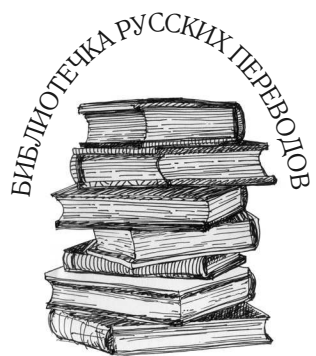

Альбер Бланкэ

Война амазонок

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.133.1

ББК 84(4)

Б68

Текст печатается по изданию:

Ахматова Е. Н.

Сборник переводов для легкого чтения. 1867. Книга II. ВОЙНА АМАЗОНОК. Исторический роман Альбера Бланкэ. — Спб., 1867.

Бланкэ, Альбер

Б68 Война амазонок : роман / Альбер Бланкэ ; [пер. с франц.] — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 538 с. — (Библиотечка русских переводов).

ISBN 978-5-517-09823-8

Исторический роман Бланкэ «Война амазонок», повествует о запутанных дворцовых интригах во Франции времен юности Людовика XIV. В центре повествования борьба двух женщин, облеченных титулами и властью, — противостояние Анны Австрийской и герцогини де Лонгвиль. Следуя советам Мазарини, Анна Австрийская сражается с оппозицией. И однажды, вместо того чтобы следовать умеренным советам величайшего политика своего времени любимца-дипломата, она, решает круто повернуть дела.

BIC FC

BISAC FIC000000

ISBN 978-5-517-09823-8

© Подготовка текста,
Издатель Иванов В.Ю., 2023.

© RUGRAM, 2023

© Т8 Издательские технологии, 2023

Часть первая

Рыночный король

Глава 1

РАЗБОЙНИКИ «КРАСНОЙ РОЗЫ»

Семь человек со злодейскими лицами, в изорванной одежде, все вооруженные большими и крепкими шпагами, бившими их по пяткам, шли по Сент-Антуанской улице.

Четверо несли женщину с кляпом во рту и так завернутую в плащ, что она казалась трупом. Двое шли в десяти шагах впереди, а седьмой на таком же расстоянии позади; у всех троих были в руках обнаженные шпаги.

Те, что шли впереди, скоро остановились перед знаменитой в то время гостиницей, украшенной вывеской «Красная Роза», которую, впрочем, темная ночь не позволяла различить.

Когда человек, шедший последним, догнал их, он постучался в дверь, и та вскоре отворилась.

В главной зале нижнего жилья не было никого, кроме трактирщика, который поспешил к пришедшим.

— Мосье Ле Мофф! — сказал он, отступая при виде человека, бывшего, видимо, начальником этой шайки.

— Да, это я, — отвечал тот тихим голосом, — помолчи, болтун!

— Что это такое, Боже мой? — продолжал трактирщик, смотря на ношу, которую несли другие.

— Веди нас в твою лучшую комнату. Нимало немедля. Ну, скорее, скорее...

Трактирщик, без сомнения, знал, с кем имел дело, потому что поспешил зажечь свечу и пошел впереди таинственных

посетителей. Он поднялся на лестницу, светя им, и привел их в обширную комнату первого этажа.

Человек, которого трактирщик назвал Ле Моффом, приказал своим людям положить на кровать укутанную женщину, которая, впрочем, нисколько не вертелась в их руках; и когда это было исполнено, когда Ле Мофф отослал своих людей и остался один с трактирщиком, он расправил многочисленные складки плаща и освободил пленницу от кляпа.

Это была молодая девушка, и трактирщик, который не мог удержаться от любопытства и направил свет свечи на ее лицо, мог удостовериться, что она была чудной красоты. Гневный взгляд Ле Моффа напомнил ему его обязанность, и он поспешил зажечь две восковые свечи — уже вполовину сгоревшие, воткнутые в подсвечник, стоявший на столе.

— Сойдем вниз, — сказал Ле Мофф.

Трактирщик пошел за ним без всяких рассуждений. И без удивления увидел, как тот старательно запер дверь комнаты двумя оборотами ключа.

— Птичка не улетит, — сказал Ле Мофф с одною из тех злых улыбок, что предшествуют дурному поступку.

— Остерегайтесь, мосье Ле Мофф, вы можете навлечь большую неприятность на мою бедную гостиницу!

— Каждый раз, как я приводил к тебе клиента, тебе платили хорошо, не так ли?

— Это правда, особенно когда дело шло о герцоге де Бар.

— Ну, на этот раз ты получишь еще больше.

— Черт побери!

— Ты боишься чего-нибудь?

— Если я правильно угадываю, что вы готовите, то думаю, что за это может заплатить только герцог Бар.

— Ты не ошибаешься, приятель, и теперь дело идет о герцоге... что не мешает герцогу де-Бару быть одною из колонн твоего уважаемого дома, не забывай этого.

— Ах! Если бы он не принадлежал к придворной партии.

— Что же?

— Я не боялся и не совестился бы.

— Но сегодня речь идет не о нем.

— Герцог Бар в партии Мазарини, и вы рискуете, что вас будет осаждать в моем доме партия принцев или парламента, и мои бедные стены, моя хорошая мебель, мои тарелки, мои блюда, мои вина поплатятся за это.

— Ты будешь щедро вознагражден, обещаю тебе это.

— Увы! Любезный мосье Ле Мофф, я не могу полагаться на ваше слово, хотя верю вашей чести.

— Что ты хочешь сказать?

— Что я не принадлежу ни к партии Фронды, ни к партии принцев и что моя холодность, благоприятная моим интересам теперь, впоследствии, может быть, будет считаться неловкостью.

— Ты рассуждаешь довольно хорошо, друг: то, что неловкость в тебе, человеку оседлом в Париже, то ловкость в Ле Моффе, который предоставил тебе свободу расставлять свою палатку во всех лагерях, смотря по обстоятельствам.

— Все обойдется, я надеюсь.

Они воротились в общую залу, и трактирщик очень удивился, что число товарищей его клиента более чем удвоилось в их отсутствие.

Двадцать человек, вооруженных с ног до головы и в такой же беспорядочной одежде, как и первые, заняли места

около столов. Служанка подавала им вина, они без церемонии разбудили ее, а эта красивая толстая девушка не заставила себя просить.

Ле Мофф был человек лет тридцати пяти, высокий ростом и суровый лицом, один из тех сынов Бретани, которые удивляют свет зрелищем своих подвигов или которые, сбившись с прямого пути, ужасают свет шумом своих злодеяний. Теперь Ле Мофф был на жалованье тех, кто желал его нанять — на день, на час, на удар. Он влачил за своей длинной рапирой свору бандитов, не знавших ни веры, ни закона, тем более страшных, что в эпоху смут и беспорядков полиция была ничтожна.

Когда Ле Мофф появился в зале, как бы по волшебству воцарилось молчание.

— О! — сказал Ле Мофф, нахмутив брови, — о капитане говорили дурно.

Никто не ответил, но головы наклонились к столам, и несколько стаканов было опорожнено для вида.

— Скажите, что у вас на сердце? — продолжал Ле Мофф. — Не стесняйтесь, вы знаете, что я добрый малый.

— Мы хотим вступить в службу к кому-нибудь, — сказал один, приподнимая голову.

— Нам надоело шататься там и сям, не знать никогда, куда мы идем.

— Да, — продолжали все хором, — вот чего мы хотим.

— Скоты, — возразил Ле Мофф, пожимая плечами, — неужели вы не поняли, что есть хорошего в нашей жизни? Быть себе господином — разве это не самое лучшее положение?

— Конечно, — отвечал другой, — но есть минуты трудные.